

Закончив рассказ, Му Чанли с улыбкой спросил:

— Хотя в этом рассказе есть некоторые неточности по сравнению с реальными событиями, суть истории в целом верна. Что ты думаешь?

Му Чанфэн усмехнулся:

— Сами виноваты.

Однако в душе он чувствовал себя беспокойно. Два человека, которые должны были находиться на вершине, в итоге из-за своих чувств оказались в такой печальной ситуации. Это звучало как-то слишком трагично.

Му Чанли улыбнулся:

— Говоришь одно, а думаешь другое.

— А что думаешь ты? — после короткой паузы Му Чанфэн неожиданно спросил.

Му Чанли задумался:

— Наверное, просто пожелаю им счастья. Если они не смогли быть вместе при жизни, пусть хотя бы после смерти обретут покой.

— Тебе не кажется, что такой человек, как Цзянь Сюань, вообще не заслуживает счастья? — Му Чанфэн опустил взгляд, крепко сжав край одеяла, отчего его ногти побелели.

Му Чанли внезапно задал встречный вопрос:

— Как ты думаешь, чем ты отличаешься от Цзянь Сюаня?

Му Чанфэн рассмеялся, но в его глазах, похожих на цветы персика, не было ни капли веселья.

Он сказал:

— Мы одинаковы: холодные, бесчувственные, убийцы, в глазах праведных мастеров боевых искусств — настоящие демоны.

— Поэтому такие, как мы, никогда не заслуживают счастья.

Чашка в его руке разлетелась на куски, и чай вылился на пол.

Му Чанли всё это время с улыбкой наблюдал за Му Чанфэном и наконец произнёс:

— Цзянь Сюань хотя бы пытался. А у тебя даже на это нет смелости? Ты не веришь в него или в себя?

Му Чанфэн поднял взгляд, в его глазах мелькнуло замешательство, но он быстро пришёл в себя и ответил:

— Я не верю никому.

С этими словами он встал, приказал слуге убрать осколки на полу и быстро попрощался с Му Чанли. Его сердце было в полном смятении.

Когда он вернулся в свою комнату и увидел записку, переданную ему слугой, его сердце окончательно потеряло покой.

Записку передал Дуань Яньгэ через своего тени. В ней было всего несколько строк:

В разгар весны, где же найти ту, что прекрасна?

Белое одеяние, нежный лик, следы пудры.

Трижды прощался, но каждый раз по-разному.

В ночи, под дождём, душа мечтает о тебе.

Горы и воды разделяют, где же найти тебя?

Теперь, в этом прекрасном месте, мы снова встретились.

Но даже если встретимся, сможем ли быть искренни?

Разбивая сердце, рая чувства, как ты можешь быть так жесток?

Му Чанфэн усмехнулся, не осознавая, что на его лице появилась улыбка, а щёки слегка порозовели.

Как раз в этот момент Тень Три доложил, что Нин Янь завершила трёхдневное шествие по городу и теперь доставлена в подземелье. Му Чанфэн спрятал записку в карман и равнодушно сказал:

— Посади её вместе с Су Ланом.

Тень Три выполнил приказ, отведя Нин Янь в самую дальнюю камеру. Увидев состояние Су Лана, она не смогла сдержать крика.

— Что, тебе больно видеть, как страдает твой возлюбленный? — раздался голос Му Чанфэна из глубины коридора, с лёгкой усмешкой, но с оттенком холода. — Может, ты хочешь составить ему компанию, чтобы ему не было так одиноко в этом мире без света?

Нин Янь резко обернулась, крича:

— Му Чанфэн, ты не человек! Ты не человек!

Но вскоре Тень Три заткнул ей рот тканью.

Му Чанфэн сел на стул в центре комнаты, проводя пальцами по мозолям на ладони. Его глаза, похожие на цветы персика, были полны улыбки, но голос звучал совершенно равнодушно:

— Вытащите ткань, пусть говорит. Не хочу, чтобы говорили, что Священная секта — это диктатура.

Тень Три кивнул и вытащил ткань. Нин Янь, почти скрежеща зубами, спросила:

— Это ты всё устроил, да?!

— Да, — улыбнулся Му Чанфэн. — Все твои догадки верны. Этот спектакль был моей

постановкой с самого начала. Но... — он сделал паузу. — Если бы ты сама не опустилась до этого, у меня бы не было возможности так с тобой поступить.

Нин Янь замолчала. Му Чанфэн был прав. Если бы она сама не пошла в дом мечты, не погрузилась в разврат, ничего бы этого не случилось.

— Но ты слишком жесток! Что я сделала не так? Разве любить кого-то — это преступление?! Что я сделала не так?!

Нин Янь подняла голову, её красивые глаза наполнились слезами.

— Что я сделала не так?!

— Ничего, — кивнул Му Чанфэн. — Ты ничего не сделала не так. Но ты помогала Су Лану против меня, и моё возмездие тоже не преступление, верно?

С этими словами Му Чанфэн медленно встал и подошёл к Нин Янь:

— Тем более, Янь, ты ведь моя любимая. Как я могу терпеть, что моя возлюбленная думает о другом мужчине?

Нин Янь усмехнулась, её взгляд был полон бесстрашия.

— Ты вообще не понимаешь, что значит любить.

— О? — Му Чанфэн с любопытством посмотрел на неё. — Тогда объясни мне, как нужно любить.

Нин Янь опустила глаза, её голос был полон печали:

— По крайней мере, нельзя заставлять других.

— Я тебя заставлял? — Му Чанфэн прищурился. — Нин Янь, не забывай, что твоё появление изначально было обманом!

Нин Янь тихо сказала, её лицо было полно печали.

— Я знаю.

Му Чанфэн махнул рукой:

— Бросьте её к Су Лану, пусть сами разбираются.

Выйдя из подземелья, Му Чанфэн плотнее закутался в плащ и некоторое время стоял в беседке, погружённый в свои мысли. Затем он приказал принести свой знаменитый семиструнный цинь. Это был прекрасный инструмент, но у того, кто на нём играл, не было настроения, и звуки, которые он издавал, были бессвязными.

Небо темнело всё быстрее. Только что был ясный день, а теперь уже сгустились сумерки, и на небе появился тонкий серп луны. Кленовые листья у пруда с лотосами стали красными, падая в воду и создавая рябь.

Внезапно раздался звук сяо, пустой, но прекрасный. Му Чанфэн улыбнулся, и его пальцы начали извлекать из циня упорядоченные звуки. Цинь и сяо вместе создавали атмосферу

одиночества.

Когда музыка закончилась, Му Чанфэн положил руки на струны и тихо сказал:

— Раз уж пришёл, покажись.

Дуань Яньгэ перелетел через пруд с лотосами и оказался в беседке, держа в руках нефритовую сяо. С улыбкой он посмотрел на Му Чанфэна:

— В такую холодную погоду играть на цине под луной, у тебя действительно хорошее настроение, Мастер Му.

Му Чанфэн лёгонько провёл по струнам, насмешливо ответив:

— А ты, Предводитель Дуань, тоже неплох, раз приехал на Пик Цяньцзюэ посреди ночи, чтобы поиграть на сяо.

— Холодная погода — ничто по сравнению с присутствием красавицы.

— Значит, ты приехал и не собираешься уезжать? — спокойно спросил Му Чанфэн.

— Конечно, уеду.

Почему-то эти слова вызвали у Му Чанфэна лёгкое замешательство, и он снова начал играть на цине без какого-либо порядка:

— Тогда, Предводитель Дуань, уходи сейчас же, и не забудь убить того, кто тебя впустил.

Дуань Яньгэ покачал головой и сел на перила:

— Уеду, конечно, но только с тобой.

— Сюда! — громко позвал Му Чанфэн.

Два человека в чёрных одеждах сразу же опустились на колени перед ним.

— Приготовьте для Предводителя Дуаня сарай, принесите тонкое одеяло, чтобы он не замёрз, а то потом скажет, что я плохо его принял, — приказал Му Чанфэн слугам, но его взгляд был прикован к Дуань Яньгэ.

— Хорошо, — Дуань Яньгэ хлопнул в ладоши. — Тогда я смиренно останусь здесь. И когда ты согласишься, я отвезу тебя в Чанъань и женюсь на тебе.

Му Чанфэн с силой ударил по струнам, и звук заставил листья на дереве посыпаться.

— Тогда ты останешься в сарае навсегда!

Очевидно, Му Чанфэн не понимал, что бесстыдство — это самое страшное. Поэтому на следующий день он был крайне удивлён, обнаружив Дуань Яньгэ лежащим рядом с ним.

— Ты как здесь оказался? — только что проснувшийся Му Чанфэн ещё был в полузабытьи, его обычно холодный голос звучал мягко и забавно.

Дуань Яньгэ с обиженным видом ответил:

— Я с детства избалован, спать в сарае мне неудобно, поэтому я пришёл к тебе.

— Если неудобно, уезжай! — Му Чанфэн приподнялся и толкнул Дуань Яньгэ с кровати, одеяло соскользнуло с его плеч, и тонкая рубашка не могла скрыть его прекрасное тело.

— Не волнуйся, — увидев, как Му Чанфэн поспешно натягивает одеяло, Дуань Яньгэ тихо рассмеялся. — Я уже видел всё, что нужно, и всё, что не нужно, так что стесняться уже поздно!

Автор имеет сказать: Сегодня больше, чем вчера, хаха!

<http://bllate.org/book/16678/1530464>